

1975

Прильнув столь кровно
К роднику движенья,
Ты не познаешь век
изнеможенья,
Пребудешь ты ожесточённо
Жив.
Иван Коневский
19-20 ноября, 1896
Петербург

23 апреля

День был пустой. Просидел его дома. Перепечатал статью Тёмина¹ для книги в «Сов. пис.», а также рекомендацию В. Широкову в СП.

Говорил по телефону с редакцией «Октября» о некоторых изменениях в стихах. Всё принято. Светлана² дважды, если не трижды звонила, но встретиться сегодня не вышло: у неё много дел и хлопот в связи с работой, с трудоустройством, но как-будто это уже налаживается.

Литературовед Кадровский из Курска прислал рукопись своей статьи о поэзии 1930-х годов, о левых, о «Коммуне 71 года» и «Франсуа Вийоне». Он многого не понимает и многое путает, считает, что мои условные вторжения автора поэмы в её содержание – нечто предосудительное. Постарался ответить ему вразумительно, что без такой условности, равно как без любой другой, я вообще не существую как поэт. Посмотрим, как он это примет, да и поймёт ли.

А Светлана-то! Ведь обещала вечером позвонить, так нет же. Но понять её можно. И устаёт, и треплется без конца и без толку, и вообще в ней есть что-то неуравновешенное, неустойчивое, ненадёжное <..>. Недостаточно умна, но угадываю, кажется, верно – отсюда и судьба её, сложившаяся трудно. Может быть, потому она мне и нравится, старому дураку, ещё более неустойчивому, неуравновешенному, ненадёжному.

24 апреля

<...> Чуть ли не час тому назад звонила Маруся Комиссарова³, сообщила, что находится на Кропоткинской, и как, мол, добраться ко мне. Но до сих пор её нет. В чём дело, неужели она настолько беспомощна? Надо было выйти ей навстречу, я не догадался.

Маруся сказала, что и Николай Тихонов и работница нашего отдела кадров, – оба подтвердили моё мнение о её заявлении Яснову⁴ о помиловании сына. Дело в том, что Маруся в своём заявлении стала излагать всё следствие, все обстоятельства дела – все действительно имевшие место неправильности и подтасовки. Всё, что говорится в таких случаях, когда просят о пересмотре дела, а не о помиловании. Маруся всё это хорошо поняла и с помощью Боровской из

отдела кадров по-другому составила своё заявление Яснову. Я написал письмо от себя – в поддержку того, что она просит. Тихонов тоже это сделает. <...>

А дома, уже поздно, разгорелся внезапно свой скандал. Катя в чём-то провинилась перед матерью. Обе в истерике. Когда я попытался как-то утихомирить страсти, то получил от своей дочери... Кипса обвинила меня в дурном влиянии на Катю, дескать я во всём виноват. И посыпались всякие грязные прилагательные по адресу и Сашуры и Светланы и других моих знакомых. И я ещё раз убедился в том, что мне действительно пора сгинуть со свету, чтобы освободить своих близких от моего скверного влияния.

<...> Конец непредвиденный, но по-своему роковой. Удивительно одно! Почему я-то не прихожу в бешенство от того, как сложилась моя судьба? Почему это не затуманивает мой мозг, не останавливает сердце, не вырывает из горла рыдающий стон? Чем я сильнее или дубовее моей дочери? Вот что очень занимает меня.

Но ни от чего я не отказываюсь. Распущенности, о которой говорит Кипса, у меня нет. И это не моё влияние на Катю, это сама Кипса так избаловала её, так потакала ей и всем её желаниям, что и не расскажешь...

Но Кипса серьёзно больна, ей тяжело. Это тоже остаётся в силе. Она глава большой семьи, хозяйка двух домов, нашего и на улице Вахтангова⁵. Я слишком подробно и слишком много записал сюда. Может быть, утром всё покажется не в таком уже чёрном свете, не так трагически безвыходно.

20 мая

<...> Звонил Карвовский⁶, переводчик на французский язык, которому я недавно ответил на присылку двух переводов из моих стихов. Очень благодарил за ответ. Письмо от П. Рожновой⁷, занятное, слишком восторженное, но, очевидно, неглупая девица; больно молода. <...>

26 мая

<...> Пробовал вчера из давнишней, заброшенной сцены, относящейся к моей «Коммуне» (1930-31 гг.) сделать нечто похожее на сцены из «Вийона», но бросил – игра не стоит свеч. Пусть книга останется в том виде, как она есть. Никак не могу точно сосчитать, сколько в ней строк. Арифметика мне положительно не даётся.

Звонил Завадский, завезу «Ночной Смотр» к нему прямо в театр. Всё-таки я сосчитал строки – 1057 строк. Это уже кое-что.

4 июня

Сразу, сходу напечатал статью об Элюаре, больше импровизируя, чем списывая с предисловия в книжке моих переводов 1961 года. Получилось шесть страниц – больше и не вытяну, разве только цитатами, но они не нужны. Это заказ «Советской литературы» на французском языке.

Звонил Павлу Нилину⁸ и когда сказал, что мне поручено писать о нём, этот прелестный человек так испугался и заволновался и так не захотел, вполне искренне, чтобы я писал о нём, что я даже поначалу растерялся. Это единственный случай такого рода среди всей писательской братии от мала до велика. <...>

Смотрел по телевизору спектакль «Пир во время чумы», сыгранный актёрами Театра Ленинского Комсомола. По-моему это хуже, чем ужасно! Неграмотно, скверная дикция, растянута дико, претенциозно, даже не провинция, а просто бездарность без проблеска правды, чувства, понимания. Откуда такое берётся в Москве?

8 июня

Вчера у меня опять поднялась температура. Когда пришли Йонас и Дина, она немного спала, но всё-таки сидит во мне какая-то гадость, чёрт бы её побрал. Смотрели всю полуторачасовую передачу о празднике в Михайловском, Пскове и наконец Болдине. Действительно, прекрасно и интересно как никогда. И Дина сделала всё, чтобы «выдвинуть» меня в Болдине. Но я не подкачал, ей-богу, я – единственный живой человек из говоривших. Другие несут официальную чушь и сушь. <...>

10 июня

День у меня был изрядно трудный. Началось со встречи с редактором в «Сов. писе». Замечания его мелкие и в большинстве верные, в частности, убираются повторения (их много, из одной статьи в другую). Работали мы часа три, отмахали всю пушкиниану, все «Славные даты». Остановились на Маргарите Алигер. Тут уже надо было мчаться в Гослит. Там дело свелось к тому, что у меня в руках второй экземпляр рукописи: предстоит и убрать и добавить. Но Лозовецкий послезавтра уезжает на месяц в Венгрию. Он будет сдавать книгу в производство только в октябре. Так что и время есть и возможность точно отмерить, что я снимаю, что вставляю.

А вот в «Сов. писе» книга должна идти в производство уже в июне.⁹ Так что тут предстоит лихорадка. <...>

14 июня

Читал книгу Нилина и удивился, что под «Жестокостью» дата 1956 год, а под «Испытательным сроком» – 1955. Мне казалось, что оба романа я читал ещё до войны. Но когда только что говорил с ним по телефону, Нилин убедил меня, что всё правильно. Он вспоминает, что Зоя говорила ему, что герой «Жестокости» списан с Фадеева. Ловлю себя на том, что и мне так казалось – может быть, и внушено Зоей. Нилин – человек редкостный. Энергично отмахивается от всяких похвал по его адресу, искренне убеждает, что о нём писать не стоит, напоминает о Пушкине, Гоголе и т. д. В этом нет ни грамма кокетства или самоуничижения, так что я убеждаюсь в необходимости писать именно о нём.

У меня был Лесневский – по Блоковским делам. СП окончательно умывает руки, предложил чествовать раз в пять лет и прочий вздор. <...>

16 июня

Всё утро у меня был Володя Рецепттер, читал свои стихи и слушал мои. У него есть и хорошие. Потом он вызвал свою барышню и они вдвоём укатали по делам. <...>

Приходил бородач А.А.Карпов, принёс прекрасные болдинские фотографии. Вечером были Савва и Костя Головановские, смотрели мы повторную передачу «Наш Пушкин», и все довольны очень. Я заново оценил и себя, и Беллу, и Межирова, и Самойлова, и Симонова – и вижу, что не подкачал никто. <...>

19 июня

Отстукал на машинке всю статью об Элюаре, тот вариант, который нужен по-французски. Это заняло полдня.

Звонила Е. Конюхова, предлагает снять три статьи о молодых поэтах (Тёмин, Глушкова, Волгин) – дескать, случайный выбор. Я покобенился, но быстро пошёл на это – для скорейшего договора <...>.

21 июня

<...> Очень интересный немецкий роман «Фабриан» Эриха Кёстнера¹⁰. Обычная немецкая жестокость, особенно в сексуальных эпизодах, которые в большинстве и отвратительны. Но рядом и новая гофманиана – сны и призраки. Да и реальная часть на грани фантастики.

От Сашуры было сегодня ещё письмо. Она вообще очень часто пишет. В этом и одиночество её, и внимание тоже – необычное, не всегдашнее – такое, какого я уже не заслуживаю. <...>

25 июня

<...> Сегодня я успел отпечатать на машинке всю статью о Нилине. Это девять страниц. Кажется, написано не ахти, ниже моего уровня, и плоско. Но буду ещё думать. <...>

Иной раз я себя чувствую не писателем, а электронной машиной, которой даёшь заказ и она выдаёт на гора перфорированную ленту с выполненным заказом. Иначе говоря, есть элемент неприкрытого ремесла в моей журналистской продукции. Ну и слава Богу, ибо тратить на это душу незачем. <...> Второе письмо от режиссёра Осмоловского¹¹, который хочет ставить Вийона. Как будто, он серьёзно решился на это.

Кипса по-настоящему несчастна. И больна она, как видно, неизлечимо, и с обменом квартиры Андрея дело стоит на месте вот уже сколько месяцев, и о Кате приходится тревожиться, и Пахра непосильно дорого стоит, и ещё много всякого

лежит на её плечах. Я ничем уже не могу помочь материально. Во всяком случае, до заключения договора и получения 60% по нему.

А у Кипсы заработок в сущности ничтожен, хотя она непрерывно работает и не покладает рук в поисках заказов.¹² Всё это и тревожно и просто мрачно. В первый раз я вижу её сегодня совсем приунывшей и какой-то растерянной. А вообще-то она по природе и оптимистка, и всячески старается бодриться. Наверно, есть и такое, о чём она не говорит мне.

26 июня

Звонила Сашура из Пскова. В понедельник 30-го прилетит в Москву и отсюда в Баку. Просила забронировать гостиницу. Это уже сделано, как всегда, в «Минске». Некоторую неловкую трудность вижу в том, что и Сашура и Светлана будут у нас 1-го июля, но иду на это зажмурив глаза.¹³

По книге прозы в «Советском писателе» уже есть расчёт с колоссальным вычетом налога. Я получу 2252 рубля; две тысячи будут переведены Кипсе. Мне остаётся 252 – пока хватит.

27 июня

Белла вернулась из Грузии. Только что с ней говорил, полна всякими грузинскими впечатлениями. Какой-то Богомолов¹⁴ что-то пишет о ней и обо мне. 1-го она придёт с Борисом¹⁵.

Сначала звонок Светланы из «Октября», а потом вечер с ней в том же проклятом ЦДЛ. У неё прелестная способность сразу открыться в лучшую сторону, быть милой, и отзывчивой, и обаятельной по-настоящему, весёлой и вообще непринуждённо-естественной. Всё дурное возникает от моего дурного, она сразу куксится и встаёт на дыбы. А что я идиотски подозрителен и вспыльчив. <...>

28 июня

Пробыл у меня часа два режиссёр «Театра Поэзии» Осмоловский – человек явно увлечённый своими идеями. Они не слишком оригинальны и совершенно невняты, но увлечение искреннее и как-будто оно заразительно для тех, с кем он имеет дело. Меня, оказывается, совсем не знает, «Робеспьера и Горгону» и в глаза не видел, не читал. «Сказок времени». Что ж, пускай работает, хочу в будущем поглядеть и на него в работе и на ту молодёжь, которая им увлечена. <...>

1 июля

Вот и пошёл мой восьмидесятый год. Пока что я не слишком это чувствую, несмотря на звонки и телеграммы. <...> Я один в доме, читал Пастернака, правил статью об Элюаре. <...> Как пройдёт сегодняшней вечер? Это пока в густом тумане.

Звонили Белла, Сашура, Таня Фиш, Майка Луговская, Л. М. Красноглядова из Гослита... А самого нужного звонка я, наверно, не дождусь, и придёт ли вечером

– не знаю. Вечер прошёл что надо! Были все. Веселились и шумели как всегда. Были и Межиров и Белла с Борисом, и неожиданно – Вознесенский. Что же до Сашуры и Светланы, то встреча их прошла вполне нормально.

9 июля

Получил 500 рублей в «Советском писателе». 250 отдал Кипсе, остальное пока у меня.

Кипса всё-таки уговорила свою маму на то, чтобы та согласилась на обмен, и согласилась жить с Аней, новой женой Андрея, а не с Милой. Главное яблоко раздора, конечно, бедный Денис. Из-за него весь сыр-бор. И он заслуживает этого, тем более что никак не поддаётся баловству! Чего не скажешь про Катю.

11 июля

Мне сегодня пришло в голову, что Зоя, Зоя Бажанова окончательно превратилась в призрак со всей своей и нашей совместной жизнью, в легенду, в иносказание, в нечто существующее в книгах, написанных когда-то. Что ни в чём другом она, Зоя, и не может существовать, сколько бы я себя ни обманывал. Что это неотвратно. <...>

13 июля

Зашёл к Симонову, но там все спят, включая и Келлермана. Ушёл ни с чем, надеялся, что Костя с Ларисой придут, но вот уже 9 часов, как будто и ждать незачем. Ворошу старые книги и свои же старые тетради, но никакого улова нет. Всё это, якобы архивное богатство, наверно, не заслуживает хранения. В молодости я был разумнее и ничем не загромождал никаких ящиков. Ведь сверх прочего хранится множество писем, подлежащих уничтожению. Так вчера мы с Владимиром Михайловичем сильно освободили мой стол и ящик.

14 июля

Приходил режиссёр Осмоловский, уже во второй раз. У меня складывается впечатление не слишком благоприятное о нём. Он увлекающийся, но глуповатый, слишком молодой и – главное! – сознающий себя молодым и потому, дескать, смелым. Но смелость его мало обоснована. Что получится у него и получится ли вообще из «Вийона»? Это очень сомнительно. Плана нет, бросается из стороны в сторону, а главное – ничего не видит. А постановщик должен прежде всего видеть. Остальное приложится.

16 июля

Описать весь вчерашний вечер в целом – непосильная задача. Наконец, Светлана заехала за мной и повезла в ЦДЛ. Как была она мила, нежна, столько в

ней порывистой горячности, как легко бросается она очертя голову в спор. Она существо редкостное по своей способности быть счастливой и быть несчастной.

Записали на радио моё выступление о Матусовском, но придётся сокращать в половину. <...> Осмоловский вернул новую главку «Вийона», полон телячьего восторга и никакого разумения. В УОАП¹⁶ наконец пришла моя сотня, еду получать.

18 июля

<...> Звонил в Баку Саше, что-то она грустненькая – может быть оттого, что я сказал о гостиничной неудаче. Останется в Москве до 23-го, значит четыре дня. 21-го получу хоть пенсию, а то у меня полный швах в кармане и, кажется, надолго.

Для меня естественно и так было всегда, что все мысли, все впечатления наслаиваются на одно. Сейчас – на одну тревогу – имею в виду Светлану. И вот были Дина и Йонас¹⁷, милые, приветливые люди, настоящие друзья, и я скрывал своё состояние, маскируясь усталостью, чем-то ещё...

19 июля

Спал как убитый до 10 часов. Лучшее средство от клопов – спать в тренировочном костюме, так эти твари не проникают до кожи.¹⁸

Утро омрачилось тем, что крупно поругался с Катей, она чуть не выбила мне глаз ножом, а я смазал её по щеке. Вчера вечером она и Миша явились с Пахры. Останутся ли здесь, неизвестно. Должен придти Владимир Михайлович. Сейчас уже час дня. Вчера поганый Мишка в моё отсутствие доставил и хлопот и огорчений бедному Владимиру Михайловичу – привёл компанию своих хиппи, облевали всё, что можно.

Позвонила Светлана. Я рассказал ей обо всём, что здесь было, – хочет сама наставить уму-разуму этого поганого типа. Вот плохо дело.¹⁹

Появилась Саша с подружкой. Да что скрывать, сердце моё забилося и горячей и нежней, чем можно предполагать, ибо в Сашуре слишком много заложено и добра и обаяния, в особенности – в отдохнувшей, похорошевшей и помолодевшей. Навезла она уйму еды. Но ночевать здесь отказалась наотрез, испуганная клопами и грязью. И Владимир Михайлович повёз обеих в свою комнату, а сам вернулся на том же такси.

22 июля

Деньги летят у меня ужасно. Обед в ЦДЛ на четверых, с нами две подружки Саши. Ровно тридцать рублей. Правда, эти деньги я неожиданно заработал, получив какой-то перевод из Киева: 28 рублей, но всё-таки! <...> Я из всех силёнок стараюсь добывать деньги. Пришёл парень из «Лит. Азербайджана» Дадашидзе, взял «Приключения фантаста» и «Конец века», обещает, что в августе будет напечатано. Владимир Михайлович окончательно устал от общения со мной и вечером возвращается к себе. Мне не впервой остаться одному.

Саша, Лиза, Наталья, Дина, Йонас и я до одиннадцати часов сидели у меня в комнате, пили белое и вермут, насыщались синенькими и прочим прикладом изготовления Саши, кулинарки что надо, болтали о глупостях. Я ещё не сдох, но устал до чёрта. Завтра самый сложный день с множеством ездов – по надобности Саши, улетающей вечером. <...>

23 июля

Да, это уже следующий день: на часах 5 часов. Но я так и не заснул с вечера. Мучали не мысли о Светлане, нет, нечто гораздо большее. Это мысли о моей крайне несчастной судьбе, о старости, о полном одиночестве. О том, что все и всё постепенно уходит от меня, что я один в доме, в комнате, ставшей моей тюрьмой, рядом с вещами и книгами, карточками Зои, рядом со всей моей слишком перегруженной памятью. С моей работой, со стихами, замыслами, которые нет-нет да шевельнутся и оживут в черепе. Но они решительно не нужны мне. И может быть, всё написанное сейчас – враньё. Может быть, и замыслов никаких нет, и всё вообще – только блажь от бессонницы. Но откуда же бессонница? Уже светлеет серое небо. Завтра труднейший день, проводы Саши. Она добра и мила, как всегда. И есть в ней что-то устойчивое, прочное. Влюблена в свою псковскую комнату. Отличная хозяйка, ей бы мужа, так нет же! Но не от неё бессонница. Ни в коем случае. Так вот и верчусь в этом заколдованном кругу неясных мыслей и тщетных предположений. Как зверь в клетке. Как смертник в камере, как в прошлом ноябре на больничной койке. Но там хоть люди были с избытком.

И вчера вечером, и раньше, – всегда, когда вокруг молодые, они убеждают меня, что я гораздо моложе их. Это не комплимент и, упаси бог, не лесть. Они так видят и воспринимают меня. Но это неверно. Я старею всё больше и больше. И рядом с ними чувствую тем острее и реальнее свою старость. И бессонница тоже старческая, и не какая другая. Она берёт мёртвой хваткой. От неё нёкуда деться – разве что писать в этой книжке. <...>

25 июля

Светланы в «Октябре» нет. Говорят, сегодня её совсем не будет. Какие-то дела у матери – шьёт ей юбку или брюки, не знаю... Боюсь, таким манером она вылетит пулей из «Октября». <...>

26 июля

Со вчерашнего дня, часов с пяти на Пахре. В моём настоящем и вечном доме, который, несмотря на всё пережитое за шесть лет, всё тот же Зоин и мой дом по всем главным приметам. Он и обветшал, и полы явно подгнивают, и грязи в нём не оберёшься, и населён он хоть и родными, да чуждыми, а всё-таки это вечное и последнее моё прибежище и убежище. <...>

Конечно, Путрамент²⁰ читал и «Войну и Мир», и Стендаля²¹ и Теккеря²², но насколько же страшнее материал нашего века нежели какой-нибудь 1812 или 1814 год! Не только по масштабу, по пространственному охвату, по тому, как втянуты в

повествование миллионы живых людей, но главное – по грандиозной бессмыслице происходящего. Бессмысленная девальвация всех святынь ценностей: родина, честь, армия, мужество, личная судьба, – всё это рушится в тартарары, а следом и демократия и рабочий класс и, казалось бы, такая абсолютная ценность, как народ. Сейчас я на половине книги, так что конечный итог её мне неизвестен. Но вникать в смысл этого повествования интересно и поучительно мне, оттого что вспоминается и наш 1939 год, и наша неуверенность в будущем, и наша надежда что «войны не будет», и ежечасно возрастающая уверенность в том, что война неизбежна.

Вечером был у Матусовских, поздравил Мишу с 60-летием, отнёс ему свою картину «Сон в летнюю ночь», немного выпил джину. За мной пришли Андрей с Денисом и мы благополучно вернулись. Так что Пахринский день разнообразился этим немного. <...>

27 июля

Сильный удар грома, внезапный ветер, и чуть поколебавшись, тухнет электричество. Очевидно, во всём посёлке. Фонари на улице тоже. Надежды, что само исправится, никакой. Сейчас только без четверти девять. И телевизор тоже безнадёжен. У меня две чахлые свечи. Читать невозможно. Вот он, идиотизм деревенской жизни. Гром изредка бряцает с той же силой, но где-то вдалеке.

Мрак способствует общему раздражению в доме, особенно между Кипсой и Катей. Андрей и Денис великолепны. Наталья Николаевна кротка. Мишка глуп, лежит рядом с Денисом, слушает чтение Андрея, мечтает о водке, но по крайней мере не злится. Ночь предстоит ужасная.

28 июля

Ужасная ночь прошла без особых ужасов. Правда, проснулся я чуть ли не в шесть часов утра, вскочил, умылся, и долго ждал, пока в доме не началась жизнь. Перечитывал свою поэму «Лейла и Меджнун»²³ с новым интересом, как очень чуждое и странное повествование о сумасшедшем. Но в чём-то основном всё-таки я похож на Меджнуна – в любовных своих тревогах и ужасах я тоже становлюсь шалым, и это много раз уже было и всегда одинаково независимо от партнёрши. А уж сейчас тем более. <...>

Как раз перечитываю свой дневник 1971 года, в котором царит Таня Калинина. Тогда, четыре года назад я, кажется, был умнее. Меньше предавался иллюзиям, чем сейчас. Но в отношении Светланы я готов идти на большее, лишь бы не терять её. Тут совпадение характеров, судеб и ещё каких-то существеннейших обстоятельств.

1 августа

У меня родился ещё один правнук, – сын Андрея и Ани – как будто, нормальный, хороший ребёнок, без признаков резуса. Ещё одна забота и тревога у моей дочери, но на этот раз счастливая, надо надеяться.

Мы крепко верим, что однажды
Земных отторгнемся цепей.
Но кубок пей, хотя без жажды,
А всё же кубок жизни пей.

Хлебников

«Сама жизнь преждевременна, оттого от неё так больно, так тревожно... Она должна опережать себя, обгонять себя, чтобы существовать...» Фолкнер

7 августа

Здесь на редкость тихо – хотя бы из-за отсутствия Кати. Кипса в сравнительно спокойном благорасположении духа. Денис мил, как всегда, но, кажется, грустен.

Конечно же, первое, что я сделал здесь, нашёл книгу о жрецах Майя, которую просила Светлана, и поскольку она только заикнулась, что любит Ботичелли, нашёл и его в издании Скира.

Читаю повесть Окуджавы о Пестеле. Это безусловно талантливо и по-своему интересно. Вещь с двойным дном. В ней замысловатые обертоны. Сейчас я на половине книги. Часто отвлекаюсь, но читаю всё-таки взахлёб. Интересно, как именно он, Окуджава, ашуг²⁴ и поэт *par excellence* (по преимуществу, пер. с лат. – Сост.) справляется с законами психологической и отчасти болезненной прозы, с некоторыми признаками фантастического реализма, в духе Достоевского. Я в прозе, например, в «Сказках времени», грубее и прямолинейнее, не слишком вдаюсь в психологию, а попросту валяю фантастику как попало и почём зря, без оправданий вроде там опьянения и тому подобного. Тем интереснее опыт Окуджавы!

Легко нашёл грампластинку с голосом Элюара, чего и не ожидал, когда говорил о ней Йонасу. А она большое подспорье в будущей передаче о нём по телевиденью. <...>

9 августа

В третий раз перечёл роман Клингера²⁵ о Фаусте и надо сознаться, что даже после Гёте и до Томаса Манна это очень важное произведение. Фауст находится в водовороте событий эпохи, рядом с Людовиком XI во Франции, с Ричардом III в Англии, с Цезарем Борджия в папском Риме. Фауст, становится богоборцем и гибнущим – как ни верти, но уже сам замысел говорит за себя. Клингер долго жил в России, сотрудничал со Сперанским. <...> у него есть и другие произведения.

10 августа

Вечером по телевиденью спектакль Малого Театра «Правда хорошо, а счастье лучше». Ставил Бабочкин²⁶, недавно он умер. Он же играет унтера, старуху Барабошеву играет Шатрова, Поликсену играет Юдина, играет Рыжов. В целом это замечательно. Бабочкин сделал спектакль остроумно и достоверно. В какой-то мере он использовал опыт вахтанговской «Турандот». <...>

22 августа

В который раз перечитывая Бунина, вижу, что поэт он замечательный, ещё недостаточно оценённый у нас, недостаточно изученный и истолкованный. <...>

В «Знамени» получил 5 экземпляров «Огонька», купил и табак «Нептун» и блок сигарет «Ту-124», вернулся домой. Днём звонила Марина Левит: готовит передачу по радио о Болдине, просит меня её открыть. Дважды звонила Наталишка, хочет заехать за мной. Светлана молчит. Я тоже молчу. Но это совсем не игра в молчанку, а очень тяжёлое испытание – для меня по крайней мере. А с Наталишкой я поступил мерзко. Она звонила ещё, но я просил Владимира Михайловича сказать ей, что меня дома нет: куда-то уехал. Это, конечно, хамство.

29 августа

И опять у нас тревога. Звонила Кипса с Пахры. Очень заболел Денис. Вчера была высокая температура. Он бредил и метался в жару всю ночь. Сегодня температура спала, но бред остался. Андрей поехал туда ещё днём, но оттуда никаких известий. Вот какие сюрпризы устраивает нам судьба. Только этого и недоставало, чтобы общая сумятица в семье поразила это прелестное милое создание, общего любимца, маленького Дениса, который всё последнее время казался мне лучшим в нашей семье.

В полдесятого я дозвонился на Пахру, говорил с Кипсой. Доктора нашли и он уже приходил. У Дениса воспаление среднего уха. Кипса считает, что это результат травмы: Денис дрался с какими-то ребятами. Доктор советует не возить его в Москву, но необходимы уколы каких-то антибиотиков. Пока не нашли сестру, Андрей ночует там.

30 августа

<...> Дина и Йонас как всегда оказались благодетелями этого вечера, принесли и мясо и торт и даже пельмени – уже на завтра. Мы очень мило и достойно посидели до 11 часов.

Я звонил Кипсе, она говорит, что Денису гораздо лучше, он и сам заявил, что выкарабкивается. Так что приезд их в понедельник безусловен. А врача сегодня так и не было.

Йонас принудил меня позвонить Вене Каверину насчёт нашего «диалога» для телевидения. Веня решительно отвергает всякую запись, говорит, что ему противно на себя смотреть. Наверно, это здоровое отношение к самому себе. Хотя оно противоположно мне.

Трудно с Арагоном для передачи об Элюаре. Я думаю связаться с Лилей Брик, но сегодня её телефон не отвечает.

31 августа

Я нашёл свою инсценировку «Московского Скомороха», которую делал три года назад по заказу Ленинградского ТЮЗа, но тогда всё ушло в песок из-за хамства руководителя. Перечёл эту штуковину. Она безмерно растянута ненужными вставками; но зерно верное и если сообразить, что нужно, а что нет, можно сделать вещь достойную публикации хотя бы и в новой книге. Сейчас в ней около 70 страниц.

Был Володя Россельс, я подарил ему «Ночной смотр»²⁷. У меня осталось всего четыре экземпляра и ещё достать неоткуда. Конец раздачи.

Володя рассказал много занятного. Например, о некоем Ерошенко²⁸. О нём же была большая статья в «Известиях» (конечно, я пропустил её). Это гениальный слепой, объездивший весь мир, знавший множество языков и к тому же, очевидно, интересный писатель. В Японии и в Китае изданы его книги на том и другом языках, а у нас только небольшой сборник где-то не то в Новом Осколе, не то в Белгороде. В Новом Осколе есть ему памятник. Он умер в 1952 году, родился в 1889 году, за семь лет до меня. Книжка издана в 1962.

2 сентября

Письмо от Володи Рецептера. На телевиденье нечаянно стёрли его «Русалку» – уничтожили интересную и уже невозстановимую большую работу целого года.

Американский роман Ирвина Шоу в нескольких номерах «Иностранной литературы» неожиданно и уж очень явно перекликается со мною – да, идёт речь о восьмидесятилетнем старике, безнадежно полюбившим девушку чуть ли не двадцати одного года и внезапно умершем, как только она вышла замуж. Герой романа кинопродюсер. Действие происходит в Каннах на Лазурном берегу. Основное – встреча героя с девушкой, пишущей о нём, начавшей с интервью. В следующем номере будет окончание. Прочёл я это взхлёб и с некоторым волнением.

Пытался дозвониться Светлане в «Октябрь», там безнадежно занято. Звонит Лариса, зовёт в ЦДЛ вечером, ссылается на Светлану: дескать, она тоже согласна придти. Ещё раз позвонил в «Октябрь». Светлана действительно изволила согласиться. Но вот беда: вёрстка со статьёй о Нилине, которую заново переписала Светлана, не подлежит уже никакой правке. Вечером я прочту её. Может быть, предложу, чтобы Светлана и подписала её вместо меня. Если согласится начальство, то почему бы нет?

Внезапно возник из длительного небытия кинорежиссёр Семён Давидович Аранович, который весной звал меня сниматься в его фильме.²⁹ В октябре будут съёмки в Ленинграде. По сюжету сына моего играет Вячеслав Тихонов. Назвал и других: Ханаеву, Мирошниченко. Стало быть, и Польша отменяется. Но может случиться, что и ни Польши, и ни кино – ничего не будет, откажусь от всего.

3 сентября

Сегодня утром я вижу, что один кругом виноват, ибо вёл себя непозволительно скверно по отношению к Светлане. Она была права, когда внезапно ушла из машины. Ещё в ЦДЛ (в присутствии Старикова и других) я говорил, что она угробит меня, что я умру по её вине и ещё что-то в том же духе. Это подло. А сверх того просто глупо. У неё действительно один только выход: не встречаться со мной, во всяком случае не сидеть рядом в публичных местах, особенно в ЦДЛ. Мне тоже есть о чём подумать, главным образом о том, чтобы совсем не пить, особенно водку, особенно в ЦДЛ. А как будет дальше, я не знаю. Буду надеяться, что через какое-то время всё уляжется и можно будет явиться к ней с повинной головой: убей, но выслушай. Сейчас мне приходится править вёрстку статьи о Нилине. Она много там напутала. Это не мой слог, не моя манера. Есть и лишнее.

Отвёз вёрстку в «Октябрь» и встретил такой приём, такую злую и равнодушную Светлану, что дальше некуда. Бороться с этим не хватает духу, да и сознание собственной вины перед нею тоже не шутка. Хоть бы память отшибло, так нет же! Она-то и гвоздит мозг, и мучает, и обвиняет, и не даёт жить. <...>

Денис и Андрей приехали около семи часов. Денис очень похудел, выглядит усталым, бледным. Для школы его постригли и какая-то часть ребёнка ушла вместе с волосами. Андрей читает ему «Ночь перед Рождеством». Это – выбор Дениса.

4 сентября

Кипса говорит, что Денис проснулся ни свет ни заря в четыре часа утра – так волновался из-за первого дня школы. Мила его проводила. В 11 часов после трёх уроков он уже окончит свой первый день. Приведёт его Андрей. <...>

6 сентября

<...> Прочёл первую книгу отзывов о Зоинной выставке в ЦДЛ³⁰ в марте. Очень давно не перечитывал. Слово «гений» в сопровождении прилагательных и наречий, говорящих о том же, на каждой странице. Почти все пишут о том, что надо поместить все скульптуры в музей. Легко сказать! Но как это сделать? Впрочем, пока я жив, пускай они будут на Пахре. <...>

7 сентября

Даже и не знаю, как прошёл этот воскресный день на Пахре. Зашёл к Вадиму Сикорскому насчёт своих стихов в «Новом Мире». Он жаловался на Наровчатова³¹, который, будучи редактором, ничего решительно не делает, ни за что не берет на себя ответственность. Потом у Нагибиных. Очень много выпил водки, спал. Вот уже и приехал Владимир Михайлович с такси – надо быстро собираться в Москву. <...>

8 сентября

Позвонил «журналист» по фамилии Кочинов – так он отрекомендовался. Вечером был у меня. Напоминал какие-то давние встречи с ним, показал мою книжку с надписью ему, но я абсолютно ничего не помню. Кончилось тем, что я рассказал ему о своей работе нынешней очень поверхностно и коротко. Хочет сделать интервью для «Вечерней Москвы». Принёс давнишнюю фотографию – Зоя и я где-то на улице Воровского, около старого ЦДЛ. Обещал хорошо её отпечатать и явиться в четверг.

По телевизору «Лес» Островского, постановка Ильинского³². Всё прилично, хотя имена сплошь неизвестные за исключением самого Ильинского. Это лучше, чем любая постановка МХАТа, но без эстрады, без выдумки, без лиризма. А как я поставил «Лес» на Автозаводе! Это был блеск!

Вечером звонила Марина – напомнила, что завтра в час дня у меня запись на Радио, продлится около часу.

9 сентября

Утром написал ответ Наталии Банк. (Вечером было от неё письмо). Звонила Таня Калинина, в Москве будет несколько дней.

Звонил к Светлане. Жду Алексея ехать на Радио на улицу Качалова, и с Радио к ней в «Октябрь». Удивительное дело! Просила одолжить ей мою кожаную куртку, а со вчерашнего дня я тщетно свою куртку ищу... Где же эта пропажа? Неужели Мишка?.. Очень может быть: дал её кому-нибудь и забыл кому. Оба, Катя и он, должны в конце недели вернуться.

На Радио Марина навязала мне уйму чужого текста, совершенно ненужного, а моего почти не осталось. Пришлось мириться с этим. 16-го будут передавать.

<...> Светлана, конечно, прелестна. Очевидно, и впредь предстоит с нею приливы и отливы – но они, как будто, по моей же вине: необузданная, ничем не вызванная ревность и множество лишних слов, всегда чуть ли не оскорбительных... Обязан сдерживаться, особенно если вокруг люди, кто бы они ни были.

Только что звонил В. Каверин: выходит новая книга Тынянова, собрание его теоретических статей и другого материала. Веня хочет, чтобы я написал об этом в «Лит. газету». Тут я легко превращаюсь в электрическую машину: делаю всё, что могу, и быстро.

Все, что моё, что есть, и прежде было.
В мечтах и снах нет времени оков.
Блаженных грёз душа не поделила.
Нет старческих и юношеских снов.

Фет

В Гослите заплатил машинистке семь с чем-то рублей в окончательный расчёт, а у директора Сомова добился двух очень важных вещей: чтобы каждое стихотворение было напечатано со спуска, чтобы тираж был как у четырёхтомника – 50 тысяч. Второе означает и больше денег.

С «Петербургом» А. Белого всё на точке замерзания: инстанции никак не могут решить, какому издательству – Гослиту или «Науке» – отдать предпочтение.

Очень характерно и симптоматично. Характерна бесхарактерность решающих, а вернее их неосведомлённость. Хотел достать у Грибанова³³ «Плутовской роман». Он обещал, но его не было на месте.

Позвонив ещё утром и сговорившись, пришла очень милая девица, с которой до того у нас была только переписка. Зовут её Полина Рожнова.³⁴ Стихи у неё есть и талантливые. И с виду она мила. Была с полшестого до полвосьмого. Будет работать в ЦДЛ в секции поэтов: готовится какое-то совещание молодых поэтов.

Светлана поехала смотреть комнату (однокомнатную квартиру) где-то на проспекте Вернадского. Плата за неё – 60 рублей. Требуется сразу внести за 4 месяца, то есть 240 рублей. Ей это, конечно, не по силам. Мне надо извернуться возможно скорее и помочь ей во что бы то ни стало. В бумажнике у меня сейчас всего 200. Надо что-то придумать, 20-го будет пенсия, но, очевидно, дело не терпит. Завтра что-нибудь изобрету.

11 сентября

С утра ей позвонил. Она решительно и энергично отказывается от этой комнаты, почему – не объясняет. Но её можно и понять: очевидно, дороговизна пугает. <...>

Была Таня Калинина, сегодня в 4 часа уезжает в Ленинград. У неё довольно удачно складывается жизнь, пишет текст к песням и для кино и для театра, стало быть и заработок. Вообще впечатление от особы деловитой, сильно загорела в Коктебеле. Просит достать книгу Г. Нейхауза в лавке писателей.

Ещё раз звонил Светлане, только чтобы услышать голос. В этом своего рода безумие, от коего не отрекаюсь, не борюсь с ним, дорожу им.

12 сентября

Странные сны снятся мне! То снится, что в театре Вахтангова ставят «Гамлета» и, забыв что Рубен Симонов умер, я предлагаю ему играть Гамлета. То я оставил пиджак с паспортом и деньгами в какой-то башне. Лезу по проволочной лестнице вверх и какие-то наглые люди, издеваясь, отвечают, что никакой башни там и не было. <...>

13 сентября

Ещё раз – в который! – сидя за столом на кухне, почувствовал, какие чужие для меня и Катя и Миша. Особенно она, а не он. Он по крайней мере приветлив. А внучка моя настоящая стерва. Какая милая была она ещё шесть лет назад!

Кипса помогла мне найти рассказ Гофмана, который Светлана назвала «Копелией». На самом деле это Копелиус в цикле «Ночных рассказов». Называется «Песочный человек». А из этого рассказа сделан балет «Копелиус». <...>

14 сентября

Я прав, когда называю Катю стервой. Вчера ещё утром спрашиваю её, едут ли они с нами на Пахру, и внезапно она отвечает: «Не свинячь»... В чём дело, откуда само это слово? Откуда озлобление, что всё это значит? Непонятно. Не то сильно запоздавшая инфантильность, не то наоборот какое-то преждевременное старчество души.

Заново читаю в книге Орлова о Николае Полевом. Володя становится учёным-историком – сильнее, нежели в его любимой «Блокиане».

Если и раньше я не был силён в шахматах и сплошь проигрывал Владимиру Михайловичу (даже ему!), то теперь просто бездарен, невнимателен и рискую без толку. И при этом всегда на волосок от «шахматного психоза». Наверно, это общая умственная усталость, результат всего напряжения, которое было сначала весьма творческим. Одни стихи чего стоят!

Владимир Михайлович принёс от Сикорского гранки. Правку я уже произвёл. В «Конец века» прибавил только одну строфу, но вот в «Приключениях фантаста» новых ровно четыре. Очевидно, они займут третью полосу. Неизвестно, как отнесутся к этому техреды.

Сикорский принял всю мою правку, но просил, чтобы я написал как обстояло дело в редакцию лично Наровчатому. Это я и сделал, поставив условием: печатать полностью с моим добавлением – либо перенести в следующий номер (уже декабрьский).

15 сентября

<...> Выяснилось, что кроме моей кожаной куртки пропало и Катино кожаное пальто – явная кража. Убеждён, что дружки Миши. А не доглядеть мог Владимир Михайлович. Я всегда всех провожаю до дверей. <...>

16 сентября

Вчера вечером письмо от Сашуры, очень тревожное, даже испугавшее меня. Она больна серьёзно – то ли страшная нервность, то ли, не дай бог, что-то психическое. По ночам пугает соседей своими криками во сне. Саша не отдаёт себе отчёта в том, что с ней происходит. Я ответил ей целым «медицинским» трактатом, то есть ни о чём другом не писал, кроме как об этом. Писал о возможности какого-то психоанализа, проделанного ей самой; ссылаясь на собственный опыт. Насколько убедительно писал, не знаю. Но вдруг поможет... <...>

18 сентября

Ура! В «Новом мире» всё улажено и оба стихотворения со всеми правками идут в 11 номер. Значит, полоса выкроена. Так сказал по телефону Сикорский.

Письмо от Левина из Варшавы. Просит приехать десятого октября; занят на съезде общества европейских связей. Меня это устраивает, думаю, что раньше и не

провернётся дело в Министерстве Иностранных Дел в Москве. Может, и дольше будет вариться. <...>

19 сентября

Опишу сон. Он продолжался долго, был подробный, даже слишком реальный. Не то гостиница, не то корабль с каютами. Какая-то женщина привела меня к некоей «ей». А она плачет, заливаясь, говорит, что любит меня. Наша близость всё тесней и реальнее. Она шепчет – смотри же, я нагая... Не знаю, что я испытывал. Скорее всего страх, что кто-то войдёт. Во всяком случае, счастья в этом не было. Кто «она» я догадывался, забывал, снова вспоминал ... Главное – сквозное желание: установить – кто она. А проснувшись, твёрдо решил, кто она. Но это было слишком уже трезво и оттого не достоверно.

20 сентября

Нашёл очень драгоценную книжку. Это «Поэтика Заглавий» Сигизмунда Кржижановского³⁵ из «Никитинских Субботников» 1931 года, подаренная мне автором. Страшна судьба писателя! Это единственное, что удалось ему напечатать за всю долгую жизнь! Когда он умер, в маленькой комнатке на Арбате рукописи лежали от пола до потолка. В конце жизни он стал безнадежно запойным алкоголиком. Мы были отчасти близки. Кое-что из его вещей я помню, хотя и смутно. Лучше знал его Евгений Ланн³⁶. В своих мыслях и замыслах Кржижановский был всегда витиеват, но всё же почти гениален. Кажется, я определяю точно. Такое «почти» явление, типичное в литературе.

Искренность в поэзии вырабатывается совсем не легко. Непростое дело добиться искренности. Ей может помешать многое, даже стремление к неожиданной рифме, к афоризму, к любому эффекту. С другой стороны, и эффект и рифма могут и способствовать искренности. Тут бывает всякое. Главное же вот в чём: никакая наивность, никакое неумение не рождает искренности. Её рождает самообладание и высокий артистизм.

Нашёл ещё у Андрея второй экземпляр книжки о Пикассо 1957 года, книжку «Кармен», надписанную Зое, рассказы Богомолова, наконец, том переводов Дестра³⁷ – правда, подаренный Андрею, но всё-таки я взял это.

Звонила Дина. Завтра запись о Маргарите Алигер – здесь, дома. Я примерно готов. <...> Вечером письмо от Володи Рецептера. Очень хвалит огоньковские стихи: «Дон Кихот», «Сонет».

25 сентября

Пленум был короче на два часа, чем объявлялось, но и скучнее, чем можно было вообразить, хотя тема и важная – международные связи писательских организаций. Но все говорили по бумажке <...>

Итак, вечером с Орловым к Белле. Борис Мессерер заедет за мной, потом в гостиницу за Орловым и наконец за своей матерью³⁸, которую я знал когда-то

совсем юным существом, стройной и очень красивой. Кажется, она была влюблена (за глаза) в Юру Завадского. <...>

26 сентября

Сергей Мнацаканян³⁹ подарил мне вчера свою книжку. Я прочёл её, это очень хорошо, серьёзно и по-своему. Тут всё крепко спаяно и очень своеобразно, особенно о любви. Это и чисто и страстно и полно доброты, мужской и мужественной. Позвонил к нему и всё это сказал.

Звонила Ирина Триус, хочет вступить в СП, просит, чтобы я написал ей рекомендацию. Я готов, но предупредил, что это три-четыре года муки ожидания, четырёхстепенные обсуждения и так далее. Отложил на конец октября. <...>

Письмо от Саши. Уже ответил. Спал крепко и глухо. Проснулся оттого, что Кипса разбудила: пришёл Александр Юдахин⁴⁰, поэт. Был уже 11-ый час. <...>

29 сентября

Звонила девица из «Пионерской правды», я решительно отказался писать о детских стихах, которые прислали в их редакцию – дело никчёмное, а то и вредное по отношению к детям. Дети не будут поэтами. Не надо их учить чему бы то ни было в области поэзии. <...> У нас Андрей. Интересно рассказывал о книге Светланы Аллилуевой. Существо по-своему несчастное, испорченное самой близостью к высоким органам, не только к страшному отцу.

4 октября

Светлана звонила. Тут же я дозвонился к Дине домой, договорился, что они обе и Йонас придут часов в 5-6, с Диной же специально чтобы принесли любой еды побольше. Присутствие при этих звонках моей дочери весьма действует на меня: телепатически передаётся её ненависть к моим друзьям, – разумеется, ничем не оправданная. Ко всем моим друзьям, кто бы они ни были. <...>

5 октября

<...> У нас ключ от почтового ящика опять пропал. И, конечно, по вине Миши, который вчера утром брал почту. С этим типом продолжаются всякие осложнения, и они так и будут продолжаться. Он и бездельник по природе, и аморален абсолютно, и алкоголик, и врун, и воришка. Катю мне не жалко: однажды, в какой-то день она обязательно прогонит его. Только бы скорее поняла, что это необходимо ей самой.⁴¹

7 октября

Вчера был совсем плохой день. Вообразил я, что это инфаркт. Кипса срочно вызвала Анатолия Исаевича, тот явился вдвоём ещё с одной женщиной, врачом. Боль в левом боку (как раз у сердца) была в лёгких, то есть никакого инфаркта.

Ложная тревога, но скверно было мне весь день. Сегодня всё прошло. А медицина, увы, уже бдит и ставит всякие ограничения <...>

8 октября

Был Осмоловский и на этот раз произвёл на меня лучшее впечатление. Он многое обдумал, удачно ввёл Жанну и во вторую часть, уже вплотную работает с актёрами на сцене, зовёт посмотреть, помочь исполнителям. С удовольствием это сделаю. Он хоть и беспредметно восторженный, но есть в нём и безусловно деловая профессиональная хватка и, очевидно, умение увлекать других. Так что вдруг и повезёт мне на старости лет с «Вийоном», почему бы и нет?

Комментарии

¹ Тёмин Леонид Самойлович (наст. имя Леонид Соломонович, 1933-1983) – поэт, переводчик.

² Светлана Михайловна Бучнева – выпускница Московского литературного института им. Горького (1973), российский прозаик, литературовед, литературный критик.

³ Комиссарова Мария Ивановна (1900-1994) – поэт, жена поэта Н.Л.Брауна и мать поэта Н.Н.Брауна. В 1960-70-х открыто поддерживала А. И. Солженицына. Состояла в активной переписке с политзаключенными и собирала присылаемые ей литературные произведения. В начале 1990-х принимала активное участие в борьбе за возвращение храмов верующим.

⁴ Яснов Михаил Алексеевич (1906-1991) – советский государственный и партийный деятель; член ЦК КПСС с 1952 по 1986 г.г.

⁵ В 1936 году П.Г.А. получил отдельную двухкомнатную квартиру в Малом Николо-Песковском переулке, прилегавшем к театру им. Е.Вахтангова, в одном из домов, построенных для работников этого театра. Квартиру он отдал своей первой семье: Н.Н.Щегловой-Антокольской и детям Володе и Наташе. В 1960-х семья улучшила условия, обменяв её на трехкомнатную квартиру в том же доме (ул. Вахтангова д. 12а кв. 18). В ней до 1975 года жили Н.Н. Щеглова-Антокольская и Андрей Леонович Тоом, внук ПГА, со своей первой семьей.

⁶ Карвовский Александр Алексеевич (1933-2005) – архитектор, поэт, переводчик. Родился во Франции, в семье эмигрантов; в 1950-е репатриировался в СССР. Переводил русскую поэзию на французский язык, публиковал собственные стихи на русском и французском языках.

⁷ Рожнова Полина Константиновна (1948-) – российский поэт, педагог.

⁸ Нилин Павел Филиппович (наст. фамилия Данилин, 1908-1981) – журналист, прозаик, драматург, сценарист; служил в уголовном розыске.

⁹ Речь идет о книге *П.Антокольский. Путевой журнал писателя. М.: Советский писатель, 1976*. В книге собраны литературно-критические статьи автора, опубликованные в предшествовавшие годы. Статьи посвящены мастерам русской и советской классики: Пушкину, Грибоедову, Достоевскому, Маяковскому, а так же поэтам и писателям-современникам – друзьям автора: Заболоцкому, Светлову, А. Цветаевой, Алигер, Бертгольц, Ковалевскому, Н.Л.Брауну, Фишу. Вошли в книгу и очерки о людях театра: Вахтангове, Станиславской и Мейерхольде, Б.Щукине, Козинцеве. Экземпляр этой книги сохранился в семейной библиотеке составителей с дарственной надписью «Милым дорогим внукам, Анечке и Андрею, а так же Антончику с любовью. Ваш дед и прадед. 2 мая 1976. Воскресение 1976. ул. Щукина».

¹⁰ Кёстнер, Эрих (нем. *Erich Kästner, 1899-1974*) – прозаик, сценарист. Получил популярность благодаря своим юмористическим произведениям для детей и сатирической поэзии.

¹¹ Осмоловский Александр Викторович (1937-2013) – актёр, чтец, режиссер. В своем театре поэтической драмы Осмоловский готовил к постановке поэму П.Г.А. «Франсуа

Вийон». Планировалась показать избранные сцены из спектакля на юбилейном вечере поэта в ЦДЛ в 1976 году. Но работа была прервана из-за отсутствия у автора и режиссера единой концепции постановки. (См. *Этот новый древний вид искусства: О сценическом воплощении поэзии. Публикация и послесловие Сергея Куняева.* <http://nash-sovremennik.ru/archive/2014/n10/1410-24.pdf>)

¹² П.Г.А. в своем описании не точен, возможно, был неверно информирован. Его дочь Н.П. Антокольская плодотворно работала как художник-иллюстратор детских книг до 1969-1970 г. Пять последующих лет она уже жила в доме отца, фактически находилась на его обеспечении и насущной необходимости в работе у неё не было; за издательские заказы в те годы она бралась редко и вскоре стала не востребовавшей, что объяснимо: в индустрию детской иллюстрации пришло молодое поколение – людей активных, талантливых, более мотивированных. В 1975 году Н.П. Антокольская оформила пенсию и фактически больше не работала. Последний заказ – иллюстрирование научно-популярной книги по психологии – был получен ею уже после смерти П.Г.А., благодаря протекции Б.А. Ахмадуллиной, но вполне вероятно, что она не сумела закончить эту работу – уже по состоянию здоровья.

¹³ Н.П.Антокольская была недоброжелательна к молодым друзьям отца, была против того, что он оказывал им материальную помощь, но более всего боялась, что, будучи приближенными к дому, они узнают о том, каким оскорблениям и унижениям подвергается заслуженный поэт со стороны живущих с ним родных, и этот факт станет достоянием литературной общественности.

¹⁴ Богомолов Николай Алексеевич (1950-) – литературовед; доктор филологических наук (1992), профессор (1994), зав. кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ (с 1994 года). (См. *Н.А.Богомолов. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы.* <https://litlife.club/br/?b=176575&p=1>)

¹⁵ Мессерер Борис Асафович (1933-) – советский и российский театральный художник, сценограф, педагог.

¹⁶ УОАП – управление по охране авторских прав – было создано в 1933 году при оргкомитете ССП и занималось вопросами авторских прав «при издании, публичном исполнении, механической записи и всяком ином виде использования литературных, драматических и музыкальных произведений». (См. *Ст. I Положения об Управлении, утверждённого приказом Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР от 16 февраля 1945.*)

¹⁷ Мисявичус Йонас Витаутас (-2009) – кинорежиссер-документалист, общественный деятель. Автор телепередач о жизни и творчестве ведущих советских поэтов; автор фильма «Брестское гетто», номинированного на премию «Оскар» в 1995 г. В число «послеперестроечных» работ И.Мисявичуса вошли фильмы о И.Бродском, В.Аксенове, А.Приславкине, Р.Рождественском, академике А. Сахарове и др.

Йонас Мисявичус и его жена Дина Чупахина – друзья П.Г.А. В то время оба работали в литературно-драматической редакции телевидения и более, чем кто-либо в последние годы жизни поэта сделали для сохранения памяти о нем. Авторы нескольких телевизионных документальных передач о ПГА.

¹⁸ При жизни Зои Константиновны в московской квартире Антокольских (ул. Щукина, д. 8а, кв. 38) был образцовый порядок и чистота. Весь уклад жизни и состояние квартиры резко изменились к худшему с переездом туда дочери П.Г.А., Натальи Павловны (Кипсы), о чем написала в своих воспоминаниях о поэте и его ученица М.И.Алигер (См. *Воспоминания о Павле Антокольском. М.: «Советский писатель». 1987, стр. 87-111).* С

появлением же в 1974 году в этой квартире М.Ю. Журавского (Миши, 1958-1994), а он вскоре стал официальным мужем Кати, внучки П.Г.А., бытовые условия стали антисанитарными. Молодые люди с очень юного возраста пристрастились к алкоголю и наркотикам, были завсегдатаями московских ночлежек, откуда постоянно приносили в дом инфекцию. Случай, описанный П.Г.А., не единственный.

¹⁹ П.Г.А. боялся возможных столкновений между своими друзьями и дочерью Кипсой. Она не терпела ничьих вмешательств в дела семьи. Любая попытка друзей и даже родных как-то помочь страдавшему П.Г.А. приводили к конфликтам и могли быть чреватые серьезными последствиями для его защитников – Кипса умела, как она сама говорила, «испортить жизнь» людям.

²⁰ Путрамент, Ежи (польск. Jerzy Putrament, 1910-1986) – поэт, прозаик, публицист, политический деятель.

²¹ Стендаль (наст. имя Мари-Анри Бейль, фр. *Marie-Henri Beyle*; 1783-1842) – французский писатель, один из основоположников психологического романа.

²² Теккерей, Уильям Мейкпис (англ. *William Makepeace Thackeray*; 1811-1863) – английский писатель-сатирик, мастер реалистического романа.

²³ «Лейла и Меджун» – поэма Низами Гянджеви, классика персидской поэзии, написанная в 1188 году. В основе сюжета лежит старинная арабская легенда о несчастной любви красавицы Лейлы и юноши-безумца Меджнуна. Впервые в полном объеме поэма была издана на русском языке в поэтическом переводе П.Г.А. (См. *Лейла и Меджун. М.: Гослитиздат, 1957.*)

²⁴ Ашуг – влюбленный (пер. с арабского и тюркского); поэт-певец у некоторых народов Кавказа и у турок, исполняющий эпические сказания, свои и народные песни в сопровождении струнных инструментов:

²⁵ Фон Клингер, Фридрих Максимилиан (нем. *Friedrich Maximilian von Klinger*; 1752-1831) – немецкий актер, поэт и драматург, генерал российской армии.

²⁶ Бабочкин Борис Андреевич (1904-1975) – актёр и режиссёр театра и кино, педагог.

²⁷ В книгу вошли наряду с лирикой стихи исторические и стихи сказочного, фантастического содержания. (См. *П. Антокольский. Ночной смотр. М.: Советский писатель. 1974.*)

²⁸ Ерошенко, Василий Яковлевич (1890-1952) – поэт, писатель-символист, музыкант, педагог. Литературные произведения писал на эсперанто и японском языке.

²⁹ Аранович Семён Давидович (1934-1996) – служил в военно-морской авиации Северного флота. В 1965 году окончил ВГИК и стал режиссёром кинодокументалистом, с 1971 года работает в жанре игрового художественного кино на киностудии «Ленфильм». В 1975 году снял фильм «...И другие официальные лица». Однако переговоры с П.Г.А. ничем не закончились, и роль Павла Иванова, отца главного героя, в фильме сыграл Николай Николаевич Волков (1902-1985).

³⁰ В марте 1975 года в Центральном Доме Литераторов состоялась выставка деревянной скульптуры З.К.Бажановой.

³¹ Наровчатов Сергей Сергеевич (1919-1981) – поэт, критик, журналист. С 1974 по 1981 годы главный редактор журнала «Новый мир».

³² Ильинский Игорь Владимирович (1901-1987) – актер и режиссёр театра и кино, чтец. Работал с выдающимися режиссерами страны: в театре Ф.Ф.Комиссаржевского (1917-1918), в Первой студии МХТ (1922-1924), театре Мейерхольда (1920-1935). С 1938 года – актер Малого театра.

³³ Грибанов Борис Тимофеевич (1920-2005) – прозаик, литературовед, переводчик. С 1966 по 1982 год был зам. главного редактора в издательстве «Художественная литература».

³⁴ Рожнова Полина Константиновна (1948-) – российский поэт, прозаик, педагог.

³⁵ Кржижиновский Сигизмунд Доминикович (1887-1950) – прозаик, драматург, философ, историк и теоретик театра.

³⁶ Ланн Евгений Львович (наст. фамилия Лозман, 1896-1958) – поэт, прозаик, переводчик.

³⁷ Делестр, Рене́ (фр. *René Depestre*, род. 1926) – гаитянский поэт, прозаик, общественный деятель.

³⁸ Судакевич Анна Алексеевна (Анель, 1906-2002) – киноактриса, учившаяся актерскому мастерству в студии Ю.А.Завадского (1925-1927). В последствии, художник по костюмам, заслуженный художник РСФСР (1969).

³⁹ Мнацаканян Сергей Мигранович (1944-2021) – поэт, эссеист, многолетний обозреватель «Литературной газеты». Один из авторов воспоминаний о П.Г.А. (См. *Мнацаканян Сергей. Несколько штрихов к портрету Павла Антокольского. Литературная газета, №27. 06-07-2016.*)

⁴⁰ Юдахин, Александр Владимирович (1942-2016) – поэт и переводчик; переводил поэзию народов СССР. В последние годы жизни П.Г.А., когда ему пришлось много времени проводить в доме творчества в подмосковном Переделкине, Юдахин выполнял для него секретарские поручения, в том числе занимался доставкой и отправкой его почты.

⁴¹ Катя Тоом прожила в браке с М.Ю.Журавским почти 20 лет, у них родилось трое детей. В 1994 году Журавский умер от передозировки наркотиков, а Катя спустя полгода пропала без вести. (См. *Не бойся, мы с тобой*. Первый канал ТВ. 22 июня 2009 г. <https://www.etvnet.com/tv/dokumentalnyie-filmyi-online/ne-bojsya-myi-s-toboj/89037/>)